

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 122

(Мартъ).

1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦІИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: О плачѣ.— Заѣты о Іоанна Кронштадтскаго о святой вѣрѣ и Церкви православной.— Для чего и кому нужны православные монастыри? *Сергій Пилуса*.— Слова умудренной жизни старости. *Паломника К. Бумыгина*.

Прилагается къ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО**.

ПЛАЧЪ.

Видимъ въ мірѣ, что люди плачутъ: раждѣются съ плачемъ, живутъ съ плачемъ, умираютъ съ плачемъ. Плачутъ люди: ибо живутъ въ мірѣ, мѣстѣ плача, юдоли плачевной. Многія причины суть, ради которыхъ люди плачутъ; и у всякаго плачущаго своя причина есть плача. Плачь и ты хрістіанине! ибо и ты живешь въ юдоли плачевной; имѣешь и ты много причинъ, ради которыхъ должно плакать. Плачь, пока время не ушло, пока полезны слезы; плачь, да не во вѣки восплачешися; плачь, да утѣшишися: *блажени бо плачущии, яко тии утѣшатся* (Мѡ. 5, 4). Плачутъ люди, что не счастливы суть: плачь и ты, хрістіанине, что ты грѣшенъ еси, что ты Господу твоему согрѣшилъ; великое бо несчастье есть грѣхъ. Плачутъ люди, что не имѣютъ здравія тѣлеснаго: плачи и ты, что не имѣешь здравія душевнаго. Плачутъ люди, что находятся въ недугѣ и болѣзни: плачь и ты, что душа твоя недугуетъ, болѣзнуетъ и немоществуетъ: тяжкій бо недугъ есть гордость, зависть, гнѣвъ, нечистота, сластолюбіе, славолюбіе, сребролюбіе; и столько мучащихъ болѣзней имѣеть, сколько страстей и похотей. *Исцѣли мя, Господи, и исцѣлюся* (Іер. 17, 14): яко ты еси Богъ, Спасъ мой. Плачутъ люди, что потеряли богатство: плачь и ты, хрістіанине, что потерялъ богатство, во святомъ крещеніи данное тебѣ отъ небеснаго твоего Отца. Плачутъ люди, что находятся въ нищетѣ и скудости: плачь и ты, что нищъ и убогъ, бѣденъ и окаяненъ; не-сносна бо нищета есть грѣхъ. *Приклони, Господи, ухо Твое и услыши мя, яко нищъ и убогъ есмь азъ* (Псал. 85, 1). Плачутъ люди, что не имѣютъ пищи и питія: плачь и ты, что душа твоя истаеваетъ голодомъ, лишается слышанія слова Божія; великій бо и весьма тяжкій гладъ—не слышать Божія слова. Плачутъ люди, что наги суть, и не имѣютъ чимъ прикрыти наготы своя: плачь и ты, что наготствуетъ душа твоя: грѣхъ бо ее обнажилъ. Срамна нагота тѣлесная, но срамнѣйшая нагота душевная. Тѣлесную наготу челоуѣцы видятъ; но душевную наготу Богъ

и святїи Ангели Его видятъ. *Блаженъ бдяй и блудый ризы своя, да не нагъ ходитъ и узрятъ срамоту его* (Апок. 16, 15). Окаяненъ и бѣденъ не бдяй и не блудый ризъ своихъ, яко нагъ ходитъ и зрятъ срамоту его! Плачутъ люди, что обиду и насиліе терпятъ отъ враговъ своихъ: плачь и ты, хрїстіанине, предъ Богомъ на враговъ твоихъ душевныхъ, которые тшятся отнять у тебя вѣчное спасеніе. Они суть діаволъ и зміи аггели его. Плачутъ люди зовомы и ведомы на судъ, боясь, дабы не посрамиться на судѣ и не быть осужденными, и не подпасть наказанію: плачь и ты, хрїстіанине, ибо и ты на судъ позовешися, не челоувѣческой, но Божій, на которомъ Судія не требуетъ свидѣтелей, но Самъ вся дѣла, слова и помышленія наша знаетъ; плачь нынѣ, пока не позовешися, плачь, да умилостивиши Судію слезами твоими; плачь, да не осудишися и вверженъ будеши во тму кромѣшную: *тамо будетъ плачь и скрежетъ зубомъ* (Мѳ. 25, 30). *Не вниди, Господи, въ судъ съ рабомъ Твоимъ; яко не оправдится предъ Тобою всякъ живой* (Псал. 142, 2). Плачутъ люди окованные узами и кандалами, что не имѣютъ свободы: плачь и ты, хрїстіанине, что душа твоя грѣхами, аки узами, связана есть и не имѣетъ своя свободы. *Аще Сынъ Божій свободитъ насъ, воистинну свободни будемъ* (Іоан. 8, 36). О Исусе, искупителю плѣнныхъ душъ нашихъ! Растерзай узы наши, да пожремъ Тебѣ жертву хвалы.

(Изъ Твореній св. Тихона Задонскаго).

Завѣты о. Іоанна Кронштадтскаго о святой вѣрѣ и Церкви православной.

Св. Церковь—величайшее, святѣйшее, благоствѣйшее, премудрое, необходимое учрежденіе Божіе на землѣ; это—истинная скинія Божія, юже водрузи Господь, а не челоувѣкъ,—не Лютеръ, не Кальвинъ или Магометъ, или Будда, или Конфуцій и другіе подобныя, грѣшныя, страстные люди. Церковь богоучрежденный союзъ людей, соединенныхъ между собою вѣрою, ученіемъ, священноначаліемъ и таинствами; это—духовное ополченіе Хрїстово, вооруженное духовнымъ всеоружіемъ противъ вооруженнаго безчисленнаго полчища діавольскаго: это—духовная врачевница, гдѣ немощствующее язвою грѣха челоувѣчество врачуется благо-

датными врачеваніями, данными отъ Бога: покаяніемъ и причащеніемъ святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ, и — словомъ Божіемъ, наставленіями, совѣтами и утѣшеніями пастырей словеснаго стада Христова; это — общая купель очищенія, возрожденія и освященія; это — святилище Божіе, въ которомъ всѣ освящаются Духомъ Святымъ чрезъ крещеніе, миропомазаніе и прочія тайнодѣйствія и богослуженіе; это — духовное солнце въ мірѣ, просвѣщающее и оживотворяющее всѣхъ во тмѣ и сѣни смертной сѣдящихъ и умерщвленныхъ грѣхами ¹⁾).

Христось пришелъ обновить растлѣвшее грѣхомъ естество человѣческое и ввѣрилъ это величайшее дѣло Своей благодати, милосердія, правды и премудрости Своей св. Церкви. Духъ Святой, вошедшій въ міръ и дѣйствующій въ Церкви чрезъ священнослужителей, богослуженіе, проповѣдь, таинства, совершаетъ это обновленіе непрестанно. Только въ Церкви заключается эта обновительная сила; внѣ Церкви ея нѣтъ и быть не можетъ ²⁾).

Христось насадилъ единую Церковь подъ Своимъ главенствомъ и управленіемъ Духа Святаго и въ ней далъ всѣ средства къ возстановленію разрушеннаго союза съ Богомъ чрезъ ученіе и таинства, чрезъ руководство пастырей ³⁾).

При всякомъ богослуженіи церковномъ: домашнемъ, частномъ и общественномъ духовному взору православнаго христіанина представляется мысль, идея объ единомъ духовномъ тѣлѣ, которое есть тѣло Христа, столпъ и утвержденіе истины, Глава коего есть Христось Богъ; эта Церковь Христова или духовное тѣло Христово состоитъ изъ трехъ колѣнъ,—небеснаго, земного и преисподняго, потому св. Церковь земная (или колѣно земное) ежедневно ходатайствуетъ предъ Своимъ Главою о прощеніи грѣховъ усопшихъ въ вѣрѣ и покаяніи и водвореніи ихъ въ Царствѣ Небесномъ и въ посредники своего ходатайства призываетъ членовъ Церкви небесной и Саму Начальницу мысленнаго назиданія церковнаго Матерь Божію, да молитвами ихъ Господь покроетъ грѣхи ихъ и не лишитъ Царствія Небеснаго. Намъ, живущимъ на землѣ, членамъ Церкви Божіей, весьма отрадно и утѣшительно всегда вѣровать, знать и надѣяться, что духовная Мать наша, св. Церковь, непрестанно тайно день и ночь молится за насъ, и что мы находимся всегда подъ покровомъ благодатнымъ Самого Господа, Богоматери, св. ангеловъ, Предтечи и всѣхъ святыхъ. У католиковъ глава Церкви—папа, человѣкъ погрѣшительный (хотя и провозглашенъ непогрѣшимымъ) и, какъ таковой, допустилъ множество погрѣшностей въ Церкви Христовой, и самыми дѣлами сказался таковымъ и самое понятіе о

1) — Христіанская Философія, стр. 96—97. Спб. 1902.

2) Тамъ же стр. 105.

3) Тамъ же стр. 110—111.

Церкви Божіей исказили и сковали духовную силу, свободу и совѣсть христіанъ-католиковъ, подвергая въ то же время неправильной хулѣ и непріязни католиковъ св. Православную Церковь, столпъ и утверждение истины. У протестантовъ—нѣмцевъ и англичанъ, совсѣмъ извращено понятие о Церкви, ибо нѣтъ у нихъ благодати законнаго священства; нѣтъ таинствъ (кроме крещенія) и самаго главнаго—причащенія Тѣла и Крови Христовыхъ; нѣтъ колѣна небеснаго—Церкви небесной; не признаютъ святыхъ; нѣтъ и колѣна преисподняго—умершихъ: не признаютъ и не молятся за нихъ, считая это не нужнымъ. Слава Церкви Православной! Слава Христу Богу—святѣйшей Главѣ, единой Главѣ Церкви Божіей на землѣ! Слава Богу въ Троицѣ, что мы не впали въ хулу на Бога, не признали и не признаемъ во вѣки главою Церкви святой грѣшнаго человѣка ¹⁾.

Церковь—едина; Глава ея—едина; стадо—едино; тѣло—едино со многими членами. Безъ Главы—Христа Церковь не—Церковь, а сборище самочинное. Таковы—лютеране, раскольники русскіе, пашковцы и толстовцы ²⁾.

Католики выдумали новую главу (Папа), унизивъ единую истинную Главу Церкви—Христа, лютеране отпали и безъ Главы остались; англиканцы—тоже: Церкви нѣтъ у нихъ, союзъ съ Главою порванъ, помощи всесильной нѣтъ. А велиаръ воюетъ всею силою, коварствомъ. Погибающихъ множество ³⁾.

Кто не въ Церкви, тотъ не съ Христомъ, общенія съ Богомъ ни здѣсь на землѣ, ни тамъ на небѣ имѣть не будетъ ⁴⁾.

Кто не со Мною, тотъ противъ Меня, и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ. (Ік. XI, 23). Кто не съ Церковью, тотъ противъ Церкви. Мало называться христіаниномъ, надо дѣлать дѣло, исполнять заповѣди, которыя заповѣдалъ Христосъ; нужно непрестанное исправленіе, непрестанное подвизаніе себя впередъ, непрестанное совершенствованіе себя, и съ этой цѣлью непрестанная провѣрка себя: по вѣрѣ-ли мы живемъ, съ Церковью-ли мы, любимъ-ли Церковь, исполняемъ-ли предписанія Церкви или заповѣди Христовы, проповѣдуемая ею? Вотъ какъ учить Христосъ Богъ! ⁵⁾.

Теперь кто хочетъ жить въ святомъ союзѣ съ Богомъ, будь въ союзѣ съ Церковью—учащею, священнодѣйствующею къ святости и правдѣ и Царствію Божію и—спасешься ⁶⁾.

Мы—члены св. православной Церкви, члены Тѣла Христова,

1) Путь спасительный, стр. 31—32.

2) Тамъ же стр. 98.

3) Тамъ же, стр. 109.

4) Жизнь въ нѣдрахъ Церкви, стр. 23. Спб. 1903 г.

5) Христ. Философія, стр. 111.

6) Тамъ же, стр. 111.

когого Глава—Самъ Христосъ Богъ; а Христосъ Святъ, Глава тѣла, и члены должны быть святы ¹⁾).

Церковь—надежная дорога къ вѣчному животу; иди по ней неуклонно, держась ея, и—дойдешь до небеснаго царствія; если уклонишься на распутія своеумдрія и невѣрїя, пеняй тогда самъ на себя: ты заблудишься и погибнешь. *Азъ есмь путь, истина и животъ* ²⁾).

Вотъ, что Церковь влагаетъ намъ въ уста и въ слухъ, есть истина, дыханіе или поученіе Духа Святаго. Благоговѣй предъ каждою мыслию, каждымъ словомъ Церкви! ³⁾).

Однажды навсегда знай, что въ Церкви, во всѣхъ ея службахъ, таинствахъ и молитвословіяхъ дышитъ духъ святости, духъ мира, духъ жизни и спасенія, а это свойственно только Духу Святому ⁴⁾).

Слава благодати Святаго Утѣшителя—Духа! Вѣрую, что Онъ, по обѣтованію Спасителя, пребываетъ съ нами ввѣкъ и наставляетъ насъ на всякую истину и не допускаетъ до заблужденія ищущихъ усердно и смиренно истины Божіей ⁵⁾).

Прибавлять къ существу вѣры Богооткровенной или убавлять по произволу человѣческому—гибельно. Ап. Павелъ говоритъ: *если мы или ангелъ съ неба будетъ вамъ говорить не то, что мы благовѣстили, анаѳема да будетъ*. Вотъ какъ твердо нужно держаться истины Божіей, преподанной намъ Самимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, Его апостолами и святыми богосносными отцами вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ! *Дондеже преидеть небо и земля, юта едина или едина черта не преидеть отъ закона, дондеже вся будутъ*. Вотъ въ чемъ заключается православіе! ⁶⁾).

Какая вѣра въ міръ проникнута такою истиною, правдою, любовью, премудростію, всемогуществомъ, такою жизненностью, какъ вѣра христіанская православная, проповѣдующая воплощеніе Самого Сына Божія ради спасенія погрѣбающаго человѣчества и основаніе Христомъ общества спасаемыхъ въ Церкви, въ которой преподается въ пищу и питіе вѣрнымъ Плоть и Кровь Его ради очищенія, освященія, обновленія и блаженства падшаго человѣка и срастворенія разумной твари съ Божествомъ. Присоедините къ этому учрежденіе благодати священства, крещенія, миропомазанія, брака, елеосвященія; учрежденіе ежедневнаго, воскреснаго, праздничнаго и великопостнаго богослуженія, учебныхъ для плоти грѣшной постовъ, всяческихъ молитвъ, общественныхъ и

¹⁾ Тамъ же, стр. 100.

²⁾ Моя Жизнь во Христѣ, стр. 169 т. 2. Москва, 1894 г.

³⁾ Тамъ же, стр. 43.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 243.

⁵⁾ Тамъ же, 172 стр.

⁶⁾ Слово мудрости духовной, стр. 48—49, СІБ. 1908 г. 2 изд.

частныхъ, на разные случаи въ жизни гражданской и семейной, совершеніе безчисленныхъ чудесъ Божіихъ чрезъ св. мощи, иконы чудотворныя, явленія Самого Бога, Богоматери и святыхъ въ разныя времена, и вы увидите безмѣрное превосходство вѣры нашей предъ всѣми вѣрами въ мірѣ и не захотите никогда оставлять такую вѣру или переходить въ другую, потому что только одна спасительная вѣра, какъ Богъ одинъ и истина одна ¹⁾.

Святые Божіи челоѣки не хотѣли даже однимъ словомъ измѣнить вѣрѣ и благочестію и, если случалось по хитрости гонителей словомъ или дѣломъ нечаянно измѣнить, то готовы были мученіями загладить свой грѣхъ. Вотъ какъ строго держались святые исповѣданія праваго. А нынѣшніе хрістіане какковы?—Трости вѣтромъ колеблемыя (Мѡ. 11, 7) ²⁾.

Въ католической вѣрѣ, претендующей на истину и непогрѣшимость, явились воіюція несообразности и отступленія отъ истины... О недостаточности ко спасенію и лживости протестантизма и реформатства и говорить не стоитъ: тамъ все извращено, весь строй вѣры и богослуженія. А что сказать о магометанствѣ, іудействѣ и язычествѣ? Это не вѣры, а изувѣрства, не истина, а сатанинская ложь пагубная. О какъ должны мы, православные, дорожить своею вѣрою и твердо жить по ней и спастись! ³⁾.

О земнородные челоѣки! познайте дѣла Божіи въ мірѣ и въ Церкви Божіей! Церковь есть носительница и провозвѣстница правды и святости, снисхожденія и долготерпѣнія Божія. Въ Церкви тьма, заблужденія безчисленныя, пагуба и мука—здѣсь и въ вѣчности. Аминь ⁴⁾.

Увы! Многихъ соблазняетъ даръ свободы, данный челоѣку отъ Бога, и возможность челоѣка быть добрымъ и злымъ, а по паденіи въ грѣхъ—удобопреклонность челоѣка болѣе ко злу, чѣмъ къ добру. Винятъ Творца и говорятъ: зачѣмъ насъ Богъ сотворилъ такими, почему не сотворилъ насъ такъ, чтобы мы не могли падать и дѣлать зло? А иные относятъ поврежденіе челоѣка грѣхомъ къ несовершенству природы, обходя Бога въ мысляхъ своихъ и признавая міръ весь со всѣми явленіями и предметами какимъ то безличнымъ, несамостоятельнымъ, несвободнымъ существомъ, коего они—части. Вотъ что дѣлаетъ удаленіе отъ Церкви! Вотъ въ какое невѣжество впадаете вы, сумудренныя! ⁵⁾.

Нѣкоторые изъ прогрессистовъ почитаютъ Церковь врагомъ

¹⁾ Тамъ же. 53—54 стр.

²⁾ Хріст. Философія, стр. 114.

³⁾ Слово мудрости духовной, стр. 51.

⁴⁾ Горѣ сердца 117 стр. Спб. 1908 г.

⁵⁾ Моя жизнь во Хрістѣ, 99 стр., 1 т.

для себя. Но если есть кто любвеобильнѣе, благожелательнѣе и мудрѣе въ своей любви относительно людей послѣ Бога, то это—Церковь... Церковь есть истая мать всего человѣчества, правовѣрующаго во Христа, самый вѣрный другъ хрістіанъ. Она сочувствуетъ и отвѣчаетъ всѣмъ существеннымъ потребностямъ души и тѣла хрістіанина дѣятельнымъ пособіемъ или подаваніемъ помощи силою Господа Иисуса Христа и Духа Святаго, Которымъ всяка душа живится ¹⁾.

О Церковь Божія, святая, соборная, апостольская! Сколь ты величественна, премудра, права и спасительна! Сколь великъ и чуденъ и дивно возвышенъ составъ твой, сколь велико сочлененіе твое! Глава твоя—Самъ Хрістосъ, Кормчій—Духъ Святыи, начальница мысленнаго зданія церковнаго—пресв. Богородица; затѣмъ—весь безчисленный соборъ ангеловъ и всѣ праведники. Какой чудный сонмъ! Какой достопочтенный Соборъ! Господи, Глава Церкви! призри съ небеси и виждь: вотъ строятъ адскія козни надъ Церковью Твоею враги Россіи, безбожники толстовцы, пашковцы, гордые слѣпые интеллигенты, штундисты, раскольники, революціонеры, финляндцы, нѣмцы, поляки, японцы и проч. Самъ адъ устремляется на Церковь Твою въ лицѣ всѣхъ этихъ враговъ. Возстанъ въ помощь нашу, о всесильная, всеблагая Глава Церкви, Господи Иисусе Хрісте, и вскорѣ посрами всѣхъ враговъ нашихъ, внутреннихъ и внѣшнихъ! Ей, Господи! ради обычнаго Твоего благости услышь насъ, молящихся Тебѣ, вседержавный Царю, низложи дерзость всѣхъ враговъ нашихъ. Я предъ лицомъ Твоимъ пишу эти строки. Ты видишь вѣру мою, слышишь молитву мою и сотворишь скоро съ нами знаменіе во благо. Буди! ²⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Для чего и кому нужны православные монастыри?

(Окончаніе).

IX.

Не лишнимъ сочла я привести здѣсь это письмо потому, что оно ярко рисуетъ, какъ отрадны мнѣ были эти три мѣсяца, проведенные подлѣ моего старца. Не безъ борьбы, конечно, прошли они: пусть всякій разсудитъ: легко ли мнѣ было привыкать къ новой жизни, лишенной по сравненію съ прежней, всякихъ удобствъ? Но борьба эта легка была съ помощью святаго отца моего. Счастлирое это было время! Любовь старца, его попеченіе обо мнѣ выражались на каждомъ шагу: казалось, онъ смотрѣлъ на меня, какъ на самое дорогое свое дитя, которое надо

¹⁾ Тамъ же, стр. 142.

²⁾ Горе сердца, стр. 29—30.

было вѣжно лелѣять, беречь и баловать, чтобы приучить къ себѣ. Несмотря на постоянныя его занятія съ приѣзжимъ народомъ, съ монастырскою братією, онъ меня, грѣшную, ничтожную, почти нищую, не оставлялъ никогда своимъ вниманіемъ. Сколько въ эту глубокую осень проводила я въ скиту незабвенныхъ вечеровъ у ногъ моего боговдохновеннаго наставника! Бывало, съ фонарикомъ въ рукахъ, пробираешься къ нему въ его „хибарку“: кругомъ темный, почти дремучій лѣсъ, отдѣляющій скитъ отъ монастыря; черная осенняя тьма; вѣтеръ шумитъ въ вершинахъ столѣтнихъ сосенъ, липъ и дубовъ; осенній дождикъ сѣтъ, какъ сквозь сито, холодную изморозь... Идешь себѣ одна; ни страха въ сердцѣ, ни въ мысляхъ помысловъ объ опасности отъ дикаго звѣря, отъ недоброй встрѣчи... А тамъ въ глубокой тьмѣ лѣса уже, смотришь, что-то неясно какъ будто свѣтлѣетъ, какъ будто выплываетъ что то изъ глубины туманнаго, густаго мрака осенней ранней ночи. То скитъ, то бѣлыя стѣны „хибарки“ старца, то радость и надежда смягченной, испуганной міромъ и грѣхомъ бѣдной души моею, тамъ—старецъ мой со всею его любовью къ моему жалкому, больному сердцу, съ его вдохновенной бесѣдой о Богѣ любви и мира, о Богѣ прощенія кающемуся грѣшнику, о Богѣ, Отцѣ блуднаго сына, Богѣ вѣчнаго блаженства Ангеловъ и человѣковъ... О, какъ радостно трепетало мое сердце, какую любовью исполнялось оно изъ переполненнаго любовью сосуда благодатной мудрости дивнаго моего старца!..

Но не подумайте, чтобы святой отецъ всегда баловалъ меня: онъ нерѣдко и строго зыскивалъ. Болѣе всего не любилъ и не терпѣлъ онъ своеволия и гордости: съ этими чувствами, бывало, лучше и не являйся къ нему! Скажешь иной разъ ему слово противорѣчя, ломая его духовное на свой мірской, свободолобивый ладъ...

— „Ну, что жъ, дѣлай какъ знаешь!“

Скажетъ онъ это—уже знай, отецъ недоволенъ тобою. И это слово его вонзалось, бывало, какъ ножъ острый въ сердце; послѣ не знаешь, какъ и загладить вину свою, и увидать старца опять постарому добрымъ и ласковымъ...

Меня всегда удивляло терпѣніе батюшки: въ годахъ преклонныхъ, обремененный многочисленными занятіями по должности начальника скита, онъ совершенно забывалъ о себѣ, по великой любви своей жертвуя собою для утѣшенія и пользы ближняго. И Господь даровалъ ему за эту любовь такую Свою благодать, что, на глазахъ моихъ, силою ему данною больные исцѣлялись, скорбящіе уходили утѣшенными, погибающіе, какъ я, находили спасеніе. Смиреніе же его было изумительное: какъ онъ скрывалъ благодать, данную ему отъ Господа!

Если, бывало, говорить что назидательное, то не какъ свои слова, а какъ слова изъ книгъ отеческихъ, или упомянуть, что

такъ учили бывшіе старцы Оптиной Пустыни. Слово же его было со властью: разъ давши заповѣдь, не любилъ ее повторять. А какъ удивляло меня знаніе имъ сердца человѣческаго! Казалось бы, что ему, прожившему столько лѣтъ въ монастырскихъ стѣнахъ, должна была бы неизвѣстной быть наша мірская жизнь; нѣтъ—онъ все бывало, пойметъ, все разсудитъ и рѣшитъ непременно съ поразительною правильностью, но непременно такъ, чтобы вышла польза душѣ...

И, какъ же крѣпко любила я дорогого отца! Всецѣло отдала я въ его святыя руки свою буйную волюшку: не было у меня въ сердцѣ ни единого помысла, отъ него скрытаго; и онъ все выслушивалъ, объяснялъ, журилъ, наказывалъ; когда же видѣлъ покорность, то умѣлъ и награждать. Отъ одного его взгляда, или слова милостиваго, душа наполнялась неизъяснимою радостію, и всякая жертва считалась ни во что, лишь бы удостоено было сердце такого духовнаго восторга...

X.

Когда мой мужъ пріѣхалъ ко мнѣ изъ Петербурга, и мы съ нимъ зажили на Оптиной гостинницѣ, то духовно мнѣ стало гораздо труднѣе. Мужа загнала въ обитель не любовь къ новой хрістіанской жизни, не привязанность къ старцу, а трудныя обстоятельства. Ему надо было куда нибудь дѣваться, укрыть свою гордость, не допускаящую его вернуться туда, гдѣ жили прежде и гдѣ уже ничему помочь было нельзя: онъ и пріѣхалъ, скрѣпя сердце въ Оптину. Имѣніе, въ которомъ мы жили, вскорѣ продали за долги; на нашу долю ничего не осталось—все было расхвачано кредиторами. Что же оставалось дѣлать?.. Годъ и три мѣсяца прожили мы на монастырской гостинницѣ, доживая послѣдніе остатки нашего состоянія. Надо было наконецъ, рѣшиться иначе устроить нашу жизнь: не вѣкъ же жить на гостинницѣ!

Желаніе сердца моего съ первыхъ дней, какъ я узнала и полюбила старца, удалиться въ дѣвичій монастырь; и отецъ святой желалъ для меня того же. И вотъ за это много мнѣ пришлось перетерпѣть отъ мужа за время нашего совмѣстнаго житья въ Оптиной Пустыни. Все на мнѣ вымещалось: потеря состоянія, скука, всѣ неудобства жизни—во всемъ я была виновата; и, несмотря на все стараніе облегчить всю трудность его положенія, очень рѣдко мнѣ удавалось успокоить бѣднаго моего мужа. Жаль мнѣ было его: ему было несравненно труднѣе моего въ тяжелые дни великаго перелома всей нашей жизни. У меня былъ старецъ, отецъ и благодѣтель, котораго я любила, въ котораго вѣрила; подъ его руководствомъ начинала я жить иною, духовною жизнью, которая захватила все мое сердце; прежняя моя жизнь такъ уже казалась мнѣ мерзка, что по ней я уже не

могла скучать. А бѣдному моему мужу не то было: старая жизнь его все еще манила, а красота новой отъ него была сокрыта.

Несмотря на мое желаніе удалиться въ монастырь, я, по волѣ старца, молчала, ждала, пока самъ мужъ не рѣшитъ нашей участи. И, вотъ, пробилъ, наконецъ, часъ, давно желанный, и у мужа созрѣло рѣшеніе: ему остаться въ скиту Оптиной Пустыни, а мнѣ удалиться въ одинъ изъ ближайшихъ женскихъ монастырей.

Старецъ былъ радъ этому рѣшенію: онъ зналъ, какъ не легка была мнѣ жизнь съ мужемъ, и желалъ моего освобожденія; чтобы снять съ меня иго, онъ взялъ его на себя. Батюшка былъ начальникомъ скита и рѣшился принять мужа моего въ число братіи.

5-го Ноября 1869 года одѣли мужа моего въ монастырское платье,—и въ глуши, въ лѣсу, въ стѣнахъ скита, скрылся навсегда бывшій знатный, богатый, избалованный баринъ.

Я въ тотъ же день уѣхала въ Орловскій дѣвичій монастырь.

Такъ завершилась одна жизнь; такъ началась новая.

Что побудило мужа моего рѣшиться на такой шагъ, осталось тайной для всѣхъ. Три года онъ прожилъ въ скиту. Старецъ зналъ всю трудность его жизни, много дѣлалъ ему снихожденій противъ другихъ братій. Сколько слезъ было имъ пролито, сколько страшной борьбы было перенесено! Во всемъ поддерживала его любовь старца, все облегчала, во всемъ утѣшала, отражая неусыпно невидимыхъ враговъ, которые въ лицѣ мужа не хотѣли выпустить своей жертвы. Изумляться надо было умѣнью отца Иларіона ладить съ новымъ послушникомъ. Бывало, только улыбается батюшка и скажетъ мнѣ:

— „Чему удивляться? Посадили дикаго звѣря въ клѣтку: какъ же ему сидѣть смирно?“

Скоро постигла моего мужа болѣзнь—у него открылась водяная. Мы всячески старались успокоить его, доставлять всевозможныя удобства; но болѣзнь брала свое. Прострадавъ почти три года, дожилъ онъ и до часа своего смертнаго и пожелалъ принять постригъ. За три недѣли до кончины его постригли въ мантію, и съ той минуты онъ совершенно переродился: „дикій звѣрь“ въ немъ умеръ, и въ міръ иной возродился хрістіанинъ.

Прилагаю письмо его къ о. Иларіону, писанное имъ нѣсколько дней спустя послѣ постриженія. Вслѣдствіе болѣзни того и другаго они не могли видѣться, и потому всѣ сношенія между ними происходили черезъ переписку.

„Дорогой Батюшка!“—писалъ мой мужъ: „не знаю, какъ и благодарить Бога за Его ко мнѣ безконечное милосердіе, а Васъ—за всѣ милости, попеченіе и любовь. А я то, глупый, неблагодарный слѣпецъ, огорчался, думая, что Вы меня не любите. Простите меня, Бога ради! Истинно, Вы извели изъ темницы душу мою, и велико Вамъ будетъ за насъ воздаяніе на небеси.“

Сказано, что Ангелы радуются болѣе объ одномъ спасенномъ грѣшникѣ, чѣмъ о десяти праведныхъ; а какого крупнаго грѣшника выручили Вы! Вы мнѣ открыли глаза, показали истинный путь и доказали мнѣ возможность спасенія: будьте благословенны за сдѣланное намъ добро!

Великія дѣла въ немощахъ совершаются Мнѣ страшно подумать: два дня тому назадъ—окаянный, нераскаянный грѣшникъ, а теперь, за молитвы Ваши, *спасень*, да еще, по милости Вашей, возведенъ въ монашескій санъ, сопричисленъ къ ангельскому лику. Стою ли я этого счастья? Ужъ не во снѣ ли все это совершается? Что я чувствую, и высказать невозможно. Я счастливъ, какъ никогда не былъ, быть не могъ, да и не понималъ подобнаго счастья. Я покоенъ, благодушенъ, миренъ ко всѣмъ; желалъ бы, чтобы всѣ меня простили и любили, какъ я всѣхъ люблю. Во время пострига я желалъ умереть, чтобы не потерять своего благодатнаго настроенія; но теперь мнѣ не хочется умирать: я желалъ бы пожить до осени, чтобы погулять лѣтомъ въ нашемъ райскомъ лѣсу и показать если не людямъ—слѣши бо суть, не увидятъ и не повѣрятъ,—то хотя птичкамъ Божиимъ мою свѣтлую, ликующую душу. Если желаніе мое не преступно, то помолитесь объ его исполненіи, а въ противномъ случаѣ простите мою глупость и неопытность, и да будетъ воля Господня надо мною“.

Пусть кто прочтетъ нисъмо это, самъ и рѣшитъ, какова была дана сила благодати старцу отцу Иларіону. Его молитвами, стараніемъ и умнѣнемъ совершилось это дивное превращеніе „дикаго звѣря“ въ кроткую и послушную овечку.

Была и я послѣ этого въ скиту ¹⁾, видѣла новопостриженнаго, радовалась его новому рожденію, слышала изъ устъ его такую бесѣду, о которой онъ прежде и понятія не имѣлъ; присутствовала и при его погребеніи.

Кончина его была мирная, въ полномъ сознаніи и покаяніи. Схоронили его, по его же назначенію, въ томъ же скиту подъ тѣнистою липой. Старецъ Иларіонъ, видимо, духовно радовался такой блаженной кончинѣ. И какъ было ему не радоваться?—душа эта, спасенная изъ ада преисподнѣйшаго, была дѣломъ его рукъ...

Въ это время о. Иларіонъ самъ уже страдалъ неисцѣльною болѣзнію. Хотя и употреблялись всевозможныя средства для помощи, но всѣ мы, духовныя его дѣти, видѣли, что недолго отецъ святой поживетъ съ нами. Каждый мѣсяць я посѣщала больнаго. Нерѣдко онъ такъ страдалъ, что не въ силахъ былъ и слова вымолвить; но лишь только получить малѣйшее облегченіе отъ

¹⁾ Въ то время доступъ женщинамъ въ скитъ открывался одинъ разъ въ годъ. По особому разрѣшенію скитначальника, монахиня Иларіона могла быть допущена въ скитъ и въ какой нибудь иной день, кромѣ установленнаго.

страданій, то спѣшитъ утѣшить всякаго, кто бы ни пришелъ къ нему, всею тою любовію, которою горѣла его святая душа...

Подгода прошло со смерти моего мужа; схоронили и дорогаго старца и благодѣтеля. Вотъ, уже три года какъ я живу безъ него, и его молитвами хранитъ меня Господь; живу я теперь въ Бѣлевской обители тихо, спокойно, мирно, а найдутъ на меня скорби, чувствую, что тутъ мой старецъ, близъ меня стоитъ онъ великимъ своимъ духомъ...

Кому случится прочитать эти страницы, тотъ да не усумнится ни минуты въ истинѣ написаннаго: я пишу это въ утѣшеніе себѣ, а отецъ Иларіонъ не требуетъ себѣ похвалы и мірской славы. „Праведницы во вѣки живутъ, и въ Господѣ—мзда пхъ“.

На этомъ оканчиваются записки монахини Иларіоны Лихаревой. Въ другихъ старыхъ монастырскихъ келейныхъ записяхъ, которыя въ Оптиной Пустыни велись нѣкогда, а, быть можетъ, и теперь еще ведутся, я нашелъ такую отмѣтку:

„Александръ Николаевичъ Лихаревъ, помѣщикъ Тульской, Рязанской и Симбирской губерніи, воспитывался въ Пажескомъ Корпусѣ одновременно съ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, почему и былъ лично извѣстенъ Государю; служилъ въ гвардіи; послѣ былъ Каширскимъ Предводителемъ Дворянства. По прибытіи въ Оптину Пустынь, жилъ до поступления въ Скитъ около года на монастырской гостинницѣ вмѣстѣ съ женою, Надеждою Сергѣевною. 6 Ноября 1869 года онъ поступилъ въ Скитъ на жительство въ число братства, а супруга его въ Орловскій дѣвичій монастырь, оттуда же въ Апрѣлѣ 1870 года перешла въ Бѣлевскій.

Во время пребыванія своего въ обители, Александръ Николаевичъ, при тучности тѣла, страдалъ легкою водяною болѣзнію, а между тѣмъ всегда нудился къ исполненію скитскихъ правилъ. Въздвигши въ послѣднихъ числахъ Января 1873 года въ Бѣлевѣ, простудился и заболѣлъ. Въ болѣзни, согласно его желанію, былъ постриженъ въ мантию 9-го Февраля того же 1873 года, а 12-го Февраля особорованъ св. елеемъ. До самой кончины своей онъ съ вѣрою готовился къ ней и часто приобщался Св. Таинъ; 5-го же Марта, въ часъ пополудни, тихо и мирно скончался, а 7-го Марта, послѣ преждеосвященной Литургіи, похороненъ на скитскомъ кладбищѣ, на мѣстѣ, имъ самимъ избранномъ,—подъ большою липой, гдѣ надъ прахомъ его положена чугунная плита.

Во время келейнаго его пострига въ мантию духовникомъ, отцомъ Памвою, Александръ Николаевичъ сказывалъ, что видѣлъ поодаль отъ себя, на ручкѣ кресла, двухъ бѣсовъ въ образѣ красивыхъ мальчика и дѣвочки съ печальными лицами. Видѣніе это продолжалось до чтенія Евангелія, послѣ котораго они исчезли. Александръ Николаевичъ просилъ покронить святою

водою, чтобы прогнать сидѣвшихъ; но такъ какъ, кромѣ его одного, ихъ никто не видѣлъ, то просьбѣ его удивлялись, пока онъ самъ не объяснилъ видѣнія. О видѣніи же этомъ старецъ, о. Паріонъ, сказалъ, что оно обозначаетъ тѣ грѣхи, въ которыхъ Александръ Николаевичъ, по забвенію, еще не принесъ покаянія; старецъ совѣтовалъ ему припомнить, не осталось ли еще чего-нибудь у него на совѣсти, и отецъ Александръ (имя ему при постригѣ переменено не было), перебирая въ памяти свое прошлое, нашелъ, дѣйствительно, забытые грѣхи и въ нихъ покался⁴.

Не отъ хитросплетенныхъ словесъ премудрости вѣка сего сказано тебѣ, дорогой мой читатель, то, что я передалъ тебѣ на этихъ страницахъ: изъ книги самой жизни вырваны онѣ съ ихъ забытыми словами и событіями. Что сказали онѣ тебѣ, что напомнили, чему вразумили? Спроси у голоса своей божественной совѣсти: не подкажетъ ли тебѣ она, въ чемъ заключена тайна монашескаго православнаго духа, тайна его вліянія на жизнь вѣрующаго и даже уклоняющагося отъ вѣры человѣка; не объяснить ли она тебѣ поставленнаго мною вопроса: для чего и кому нужны монастыри? И если голосъ совѣсти твой скажетъ тебѣ вѣщее свое слово, то поймешь ты и то, для чего и кому нужно ихъ уничтоженіе.

Лихаревы вѣхъ сословіи и состояній—это вся православная Русская земля. Паріоны—это все истинное православное русское монашество.

Тебѣ указываютъ, и ты самъ видишь, отбросы монашества: по этому отрѣбью, которое есть и, увы!—всегда было, ты берешь, на себя право суда надъ всѣмъ монашествомъ, котораго не видишь и не знаешь. Но взгляни когда нибудь на быстротекущую рѣку—что видишь ты на ней? По ней плывутъ и уплываютъ въ далекое море всякіе отбросы; но прозрачна и чиста глубина ея живительной струи. Не раскрывай передъ нею насильнической рукой подземной бездны, чтобы изъ-за отбросовъ, которые должна поглотить она, не изсякъ на-вѣки источникъ животворный: чѣмъ утолишь тогда ты свою жажду, чѣмъ освѣжишь занекшія уста?..

— „Ваше боголюбіе“, говорилъ нѣкогда одному боголюбцу Преподобный Серафимъ: „безъ праведниковъ не стоять ни граду, ни веси. И если вы бланзните, что нынѣ плохо живутъ и монахи, и мірскіе, то знайте, что и между ними есть сокрытые отъ взоровъ вашихъ благоугождающіе Господу. Скажу вамъ: если стоитъ кладбище, то стоянію его тернить Господь изъ-за святыхъ мошей сокрытыхъ въ немъ угодниковъ Божіихъ. Такъ и о градахъ, и о весяхъ, и о монастыряхъ, и о всей землѣ разумайте!“¹⁾

1) Эти слова Преподобнаго миѣ извѣстны изъ рукописей Н. А. Мотовилова и извѣстны миѣ онѣ, какъ составителю очерка жизни этого великаго

Запомни же, покрѣпче запечатлѣй это въ своей памяти, православный мой читатель!

Сергей Нилусъ.

Оптина Пустынь.

Предрождественскіе дни 1908 года.

Слова умудренной жизнию старости.

„Долой самодержавіе!“ слышалось въ рядахъ дѣятелей такъ называемаго „освободительнаго движенія“. Кличъ этотъ раздался по всей необъятной Руси Православной. Поднялось говореніе... Оно продолжается и доселѣ... Ручей бушевалъ, а рѣка молчала и молча свое дѣло дѣлала... Молодежь бушевала, а умудренные жизнию старые люди молчали и молча вели свое хозяйство. И знакомый намъ старецъ тоже молчалъ и надиво всѣмъ велъ свое хозяйство... Собрались какъ-то мы у него и разговорились... Спросили его, отчего у него хозяйство лучше всѣхъ, не смотря на трудные годы и большую семью. „Богъ помогаетъ!“ отвѣтилъ онъ: „для васъ, молодыхъ, это стало мало понятно! Вы спрашиваете меня, какъ я живу. Вотъ мой отвѣтъ: встаю я круглый годъ въ 4 часа и ложусь въ 9. Такъ—и всѣ мои домашніе. Утромъ за мной всѣ встаютъ, умываются и вмѣстѣ со мной обязательно всѣ молятся Богу. Послѣ завтрака я всѣхъ наряжаю на работу. У меня ужъ такъ заведено. Своей воли въ работѣ у моихъ домашнихъ нѣтъ. Каждый работаетъ только то, что я укажу. Обычно же бываетъ такъ, что въ большой семьѣ каждый „наровить“ сдѣлать то, что полегче и что выгоднее. У меня не такъ: споровъ и перекоровъ по работѣ нѣтъ. Я всѣхъ поправляю, всѣмъ даю работу по силѣ и умѣнью. Отъ того у меня и опущеній въ хозяйствѣ нѣтъ: всегда и все во время сдѣлано. Далѣе—заработки свои они передаютъ мнѣ или же я самъ получаю за нихъ: я хозяинъ надъ всѣмъ и надъ ихъ заработкомъ. И ключи отъ амбаровъ у меня, и деньгами я завѣдую, и учитываю заработокъ каждаго. Вся казна у меня: вотъ изъ этой то казны всѣхъ я кормлю, пою, одѣваю и обуваю. Ежели же у кого явится какая нужда, пусть просить и скажетъ на что: я дамъ, если увижу, что деньги идутъ не во вредъ имъ и хозяйству. Все находится у меня въ одной рукѣ и никто не выходитъ изъ моей власти. Никто не смѣи перечесть хозяину: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ! Отъ этого и непорядковъ въ моемъ домѣ нѣтъ: меня Господь поставилъ главой дома и Господу одному я отвѣтенъ, отъ того и распоряжаюсь я въ своемъ домѣ и сужу по правдѣ, по Божию слову: сколько силъ есть стараюсь я по нему направить свою жизнь и жизнь домашнихъ и Господь помогаетъ мнѣ... Такъ вотъ правлю я свое хозяйство, духомъ послушника и сотанника Преподобнаго Серафима. См. книгу мою „Великое въ маломъ“.

такъ учу и своего старшаго сына. Вотъ видите—и хозяйство у меня по Божіей милости хорошее и домъ—полная чаша“.

„А вотъ нынѣ говорятъ и хлопчуть, чтобы не было главы не только въ семьѣ, но и государствѣ. Но если въ домѣ не бываетъ порядку безъ хозяина, то тѣмъ болѣе не должно быть его и въ государствѣ безъ хозяина. Нынѣ всѣ кричатъ: не нужно Царя, долой самодержавіе! Кричатъ такъ—все равно, что гнать хозяина изъ дома. Не будетъ порядка и на Руси православной, если не будетъ на ней одного хозяина. Не даромъ сказывается пословицей: безъ Царя земля сирота!.. Говорятъ, что хозяйномъ будетъ народъ. Но вѣдь сколько головъ, столько и умовъ, всѣмъ въ одинъ умъ не придти. Мірскія дѣла плохо управляются и въ деревнѣ, а что будетъ съ государствомъ? Мира тутъ не жди, а одной междоусобицы. Люди—не ангелы! Если бы всѣ люди были похожи на ангеловъ по жизни, по взаимной любви и по стремленію къ одной Богомъ опредѣленной цѣли, то можетъ быть и управились бы въ мирѣ, а иначе не управятся. Скорѣе одинъ человекъ можетъ достигнуть нѣкакого подобія съ ангелами, чѣмъ всѣ люди...“

Говорятъ, что народъ выберетъ царя или президента, ограниченныхъ по своей власти. Но какой же хозяинъ будетъ президентъ, когда онъ будетъ знать, что не сегодня—завтра государство перейдетъ въ другія руки? Пословица говоритъ, что своя рубанка ближе къ тѣлу. У наймита-президента не будетъ такого радѣнья къ чужому хозяйству, какъ у настоящаго природнаго Хозяина Государя Батюшки. У президента не будетъ интереса къ хозяйству государственному, когда будетъ знать, что оно послѣ него достанется не его потомству. Онъ будетъ жить только для своего удовольствія и для своего кармана, а не для пользы обще государственной. Нѣтъ, благодарить Бога нужно, что у насъ Государь самодержавствуетъ на своей собственной наследственной землѣ, ибо Онъ знаетъ, что эта земля достанется Его родному Наслѣднику и что отъ благоустроенности земли и благосостоянія народа зависитъ счастливое, безмятежное царствованіе какъ Его, такъ и Его Наслѣдника, а потому употребить всѣ свои силы, чтобы устроить, какъ слѣдуетъ, государственныя дѣла при помощи своихъ вѣрныхъ и послушныхъ на благое дѣтей—подданныхъ“.

Такъ приблизительно говорилъ намъ старецъ, здравствующій и по нынѣ. Немного онъ говорилъ, но оставилъ на насъ сильное впечатлѣніе: заставилъ задумываться и въ послѣдующее полное соблазновъ время: можетъ быть отчасти подъ влияніемъ его словъ мы и сохранились чистыми отъ увлеченій сими соблазнами...

Псаломщикъ К. Булыгинъ.